

ИВАН РОДЫГИН, АЛЕКСАНДР СГИБНЕВ

ЗВЕЗДЫ СТЕПАНА

АРТЕМЕНКО

Весна 1945 года не баловала наступающие части нашей армии. Дожди, разлившиеся реки, непролазная грязь затрудняли преследование отступающего противника. Чувствовалось приближение победы, а гитлеровцы, цепляясь за каждый рубеж, оказывали яростное сопротивление.

Стрелковый батальон, которым командовал майор Степан Елизарович Артеменко, первым вышел к берегам Одера. Не теряя ни минуты, личный состав начал готовиться к форсированию водного рубежа. Трудного, адски трудного рубежа.

Высокий, стройный, с густыми черными бровями, комбат не давал покоя никому. Он лично проверял и перепроверял, кто и как занял оборону, как окопался, как подготовился к броску на тот берег. Водный рубеж, повторял он, особенный. Быстрое течение, большая ширина и, вдобавок, немцы ведут постоянный артиллерийско-пулеметный обстрел.

В блиндаже комбата собрались необычные гости: солдаты, сержанты, старшины, считавшиеся во взводах и ротах ветеранами. На столе, накрытом газетой, стояли кружки с горячим чаем.

— Садитесь, друзья мои! — тепло, взволнованно проговорил Степан Елизарович. — Много дорог мы прошли вместе, возмужали под пулями, вот и хочу попросить вас, самых авторитетных в подразделениях, по-особому приблизиться к молодежи, помочь ей в тяжелых испытаниях, которые ждут нас впереди. Смотрите, как Одер-то разлился! «Два Днепра, два Днестра,

посредине — Припять», — сказал вчера командующий. Легко его не перескочишь...

Долго в тот вечер не смолкали дискуссии в блиндаже комбата. Высказался сам Артеменко. Говорили сержант Тимофей Яковлев — пулеметчик редкой отваги, младший сержант Михаил Шило — мастер огневой автоматной строчки и лихой разведчик. Все они обещали командиру, что по-отцовски подготовят молодое пополнение. В бою будут с ними повсюду бок о бок. Они ведь знали и помнили, как возились с ними офицеры, как старались научить всему, что приносит победу. А комбат?! Бывало, не поест, не отдохнет как следует, но придет во взвод, в отделение, чтобы побыть рядом с теми, кого, может быть, через час, через минуту позовут на боевой поединок.

И все ему были благодарны за это. Он-то сам шагает по дорогам войны четвертый год, не раз был рядом со смертью, на груди сверкает Золотая Звезда Героя. Лучше других понимает комбат, какой ценой обойдется форсирование, и потому требует, чтобы подготовка к новой операции велась со всей тщательностью.

За Одером поселок Нойглиц. Гитлеровцы соорудили в нем мощные укрепления, стянули туда массу артиллерии. Склонившись над картой, Артеменко напряженно думал, как сложится бой, удастся ли ему перехитрить противника. Он никогда, сколько воюет, не относился к врагу шапкозакидательски. Командир старается все предусмотреть, он мысленно проигрывает один вариант за другим, чтобы ни в чем не допустить ошибки... Первыми, решает он, пойдут через Одер такие-то подразделения; дальнейший порядок развертывания сил при наступлении на город будет таким... Боевой приказ постепенно вырисовывался, словно бы материализовался.

В тот вечер Степан Елизарович долго трудился. Заснул уже на рассвете. Но в это время в блиндаж вбежал дежурный и крикнул:

— Командир, на выход!..

Когда Артеменко выбежал из блиндажа, то почти рядом увидел остановившийся «виллис». Оказывается, это приехал Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Выслушав доклад, маршал поздоровался и попросил, чтобы ему показали передний край обороны батальона.

— Опасно всем идти, товарищ командующий, — произнес озабоченно комбат. — Немцы беспрерывно ведут обстрел...

Константин Константинович подошел к комбату поближе, слегка улыбнулся — на его уставшем лице обозначились глубокие морщины, — потом твердо сказал:

— Правильно, товарищ майор! Всем там делать нечего, но мы с вами пойдём...

И они пошли в сопровождении двух автоматчиков. Часа три ходили. Маршал Рокоссовский беседовал с солдатами, сержантами, офицерами, интересовался их настроением и знанием поставленных задач.

— Как ни бахвалились фашисты о своей непобедимости, а мы на пороге Берлина! — говорил, обращаясь к солдатам, командующий фронтом, которого все знали и любили. — Не пожалеем ни сил, ни жизни, чтобы выполнить приказ Родины — добить фашистского зверя в его собственном логове!

По возвращении в штаб батальона маршал поблагодарил всех бойцов и

командиров за хорошо организованную оборону. На прощание он сказал раздумчиво, сердечно:

— Берегите людей, комбат. Им ведь предстоит не только закончить войну, но и восстанавливать разрушенное. Их ждут не дождутся матери, жены, невесты, дети...

— Эти слова помнили все офицеры не только нашего батальона, — рассказывает Степан Елизарович Артеменко. — О них сразу же узнали во всех соседних частях и соединениях.

А вскоре комбата вызвали в штаб полка. Здесь ему объявили боевой приказ о дальнейшем наступлении и форсировании Одера.

— Вашему батальону, — сказал командир полка, — поручается первому форсировать последний водный рубеж, за которым открывается путь к Берлину. От успешного выполнения вами задачи зависит очень многое в судьбе всей операции фронта. Да-да, фронта!

Вернувшись в батальон, несмотря на глубокую ночь, Артеменко приказал собрать офицеров и сержантов. Кратко, обдуманно, не скрывая взволнованности, изложил он боевую задачу. Изложил так, что она стала понятной и близкой каждой роте, каждому взводу.

— Обратите внимание на следующее. — И он, словно видя перед собой весь передний край, всех людей батальона, перечислил конкретные задания, которые нужно выполнить без промедления. Тут была забота и о переправочных средствах, и об обеспечении боеприпасами, и о горячей пище, и о том, наконец, где быть тому или иному коммунисту.

Через несколько часов Артеменко принимал доклады ротных командиров:

— Первая готова к форсированию!..

— Вторая готова...

— Третья...

Утром 16 апреля 1945 года при поддержке мощного артиллерийского и пулеметного огня на виду у врага началось форсирование Одера. В ход пошло все: лодки, плоты, бревна, бочки. Гитлеровцы открыли ураганную пальбу, казалось, ничто живое не выдержит. Но одна из рот батальона уже захватила плацдарм. Завязался жаркий бой. Фашисты кидались в яростные атаки, намереваясь сбросить в Одер горстку бойцов, вступивших на немецкую землю. Ничего не вышло! Наши солдаты дрались как герои. За переправой наблюдали командир дивизии и командующий армией.

— Молодцы! — восхищенно говорили генералы.

Артеменко слышал эту дорогую похвалу и все острее сознавал: его место тоже там — на том берегу. На парамах закреплена артиллерия; грудой возвышаются боеприпасы.

— Разрешите, товарищ генерал? — спросил комбат.

Генерал согласно кивнул головой: «Разрешаю!» Теперь Артеменко должен быть там, на клочке заодерской земли, дрожавшей в огне и пламени.

Натянув через реку железный трос, артиллеристы и пехотинцы во главе с комбатом тронулись вперед. Волны перекатывались через доски. Снаряды рвались почти рядом, вздымая смерчи черной воды. Почти на самой середине реки в паром

попал фаустпатрон, все загрохотало, завертелось, казалось, трос не выдержит. Еще удар — и Артеменко, тяжело раненный в ногу, полетел в ледяную пучину. Сильное течение понесло комбата. Намокшая шинель, сапоги и оружие тянули ко дну. Холод сковывал тело. Кругом жужжали пули. Превозмогая боль и опасность, Артеменко не терял самообладания, борясь с непокорным течением, видел, что его тащит, к берегу, где немцы, где смерть.

— Чтобы не попасть в плен, — вспоминает Степан Елизарович, — решил утонуть. Погрузился в воду. И на мгновение в мозгу сверкнула мысль: «Зачем же так бесцельно отдавать жизнь?» Сделал несколько взмахов руками и вынырнул из воды. Распахнулись полы шинели, и меня вновь понесло по течению. Больше километра плыл по Одеру, пока не прибило к кустам ивняка. Руками, как клещами, уцепился за кустарник и опустил ноги на дно. Почувствовал, что стою по горло в воде. От радости попытался закричать — звука не услышал. Неподалеку разглядел блеснувшие вражеские каски. Что же делать? Их много, я один. У них автоматы — у меня лишь пистолет. В это время с нашей стороны вспыхнула сильнейшая артиллерийская и оружейная стрельба. Каски немцев исчезли.

«А, стервецы, — вскрикнул про себя, — убежали! Так вам и надо. Теперь на своей земле придется вам расплачиваться сполна!» Достал пистолет, перезарядил его и с великим трудом выбрался на берег. Сделал всего несколько шагов по песку, намереваясь зайти в окопы, но в этот момент вблизи со страшной силой разорвался снаряд. Меня вторично ранило в ту же раненую ногу.

Он и сейчас, спустя годы, тяжело переживает драматизм своего положения. Батальон рядом, дерется, не уступая врагу захваченного плацдарма, а комбат, истекая кровью, лежит недвижим. Ни словом, ни делом не может помочь родному батальону...

Многие солдаты считали, что комбат погиб, и, как бы мстя за командира, с удвоенной энергией дрались против гитлеровцев. Особенно отличились Тимофей Яковлев и Михаил Шило. Помните, перед форсированием Одера они выступали в блиндаже комбата? Родина по достоинству увенчала их Золотой Звездой Героя. Войну закончили они в Берлине.

Но для комбата она закончилась раньше всего лишь на две недели. Тяжелораненого подобрали санитары и отправили в медсанбат. Почти полгода скитаний по госпиталям, где он испытал и минуты радости, и дни переживаний. Здесь он узнал, что за доблесть и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, награжден второй Золотой Звездой Героя Советского Союза. А лечение шло медленно, операции не помогали, ставился вопрос об ампутации ноги. Видимо, только его воля и железный характер, богатырское здоровье и фронтовая закалка помогли медикам вернуть отважного комбата снова в строй.

Правда, в Москву Степан Елизарович прибыл с палочкой, еще прихрамывая на больную ногу. Когда же в Кремле Михаил Иванович Калинин вручал ему вторую Золотую Звезду, то майор Артеменко, позабыв про палку, бодро, как и подобает военному человеку, подошел к Всесоюзному старосте. Михаил Иванович, тепло пожав герою руку, заговорил с ним о последних боях, об отваге войск,

штурмовавших фашистское логово.

— Вы были ранены, Степан Елизарович?

Артеменко ответил:

— Да, Михаил Иванович. Дважды в один день.

— А где, на каком участке? — продолжал выспрашивать Калинин.

— При форсировании Одера.

— До Берлина не пришлось дойти?

— К сожалению, нет. Ранения выбили из строя.

— Не жалеете. Зато бойцы вашего подразделения и вашей части, воины Красной Армии расплатились за всех погибших и раненых. Они повергли гитлеровскую военную машину в прах и водрузили Знамя Победы над рейхстагом...

Потом после вручения наград Михаил Иванович говорил еще много теплых слов в адрес красноармейцев и командиров, в его адрес. На всю жизнь запомнил Степан Елизарович эту беседу с Калининным и часто вспоминает о ней, выступая перед молодежью и воинами Советской Армии в родной Одессе.

Уходил на войну вчерашний участковый милиции рядовым пехотинцем, а вернулся старшим офицером, дважды Героем Советского Союза. Как давно, как бесконечно давно это было! Степан Елизарович рассказывает юношам и девушкам о боях, о друзьях-однополчанах, а сам всматривается мысленно в начальные страницы собственной биографии.

Тяжелую и сложную жизнь прожил Степан Артеменко. Родился он в селе Рацулово, бывшего Яновского района, в бедной многодетной крестьянской семье. Отец и мать занимались землепашеством. С ранних лет его братья и сестры батрачили у кулаков. Когда началась коллективизация, отец одним из первых вступил в колхоз. Степану долго учиться не довелось — окончил всего пять классов. Но в то время и пять классов ценились. И как наиболее грамотного на селе Артеменко посылают на курсы зоотехников. Закончив их, он стал работать в родном колхозе. Времена были беспокойные. Кулаки жгли общественные постройки, травили скот, угрожали расправой тем, кто вступил в колхоз.

Но не из робких оказался молодой специалист. Сильный, подвижный, одаренный природным умом, он организовал вокруг себя сельских активистов.

— Нас не свернете с колхозного пути! — гневно и горячо бросал Артеменко в лицо кулакам. — Нам этот путь указали партия, Ленин!

Потом комсомольца Артеменко призвали в армию.

— Здесь, в армии, — рассказывает Степан Елизарович, — мой характер еще более окреп. Армейская школа никогда не забудется!

А когда уволился в запас, то без раздумий вернулся в село, откуда ушел служить. Мечталось столько еще сделать на колхозной земле! Но в райкоме комсомола сказали:

— Вы были хорошим бойцом в армии, примерным тружеником в колхозе, это хорошо. Сейчас же такие люди, как вы, очень нужны в милиции. Согласны там работать?

Дисциплина среди комсомольцев в то время была строгая, и, если райком предлагает юноше какой-то новый участок, новое задание, никому в голову не

приходило отказаться.

Подумав немного, Артеменко ответил:

— Если комсомол считает необходимым послать меня работать в милицию, то как же я могу возразить? Согласен и постараюсь ваше доверие оправдать!

24 ноября 1937 года приказом Управления рабоче-крестьянской милиции был зачислен на должность милиционера Раздельнинского района.

Вот так он оказался в милиции. Хотя об этом никогда не думал и абсолютно не знал, чем же занимается милиция. Было лишь желание работать да комсомольский задор!

И снова школа — уже милицейская.

— Тут, — продолжает Степан Елизарович, — очень важно, как пройдет первая встреча нового сотрудника с руководителем городской или районной милиции. Это я на себе испытал. Встретил меня начальник отделения Степан Колесников. Это был обаятельный человек. Он говорил со мной, как отец с сыном. А как только вышел я на работу, прикрепил ко мне двух шефов — Цурканова и Романова. Они ознакомили меня, казалось бы, с элементарными истинами, но столь необходимыми в повседневной практике. Например, они учили технике составления и оформления документов, методике ведения служебного разговора с различными категориями людей и т. д. А главное — они терпеливо прививали любовь и уважение к профессии милиционера!

Хорошим милиционером зарекомендовал себя Степан Елизарович. Вскоре его сделали сельским участковым. Должность в милиции почетная, круг обязанностей расширился. И тут, на самостоятельной работе, он не затерялся, упрочил свой авторитет в районе.

Вскоре Артеменко направили на более сложный участок, объединяющий несколько немецких поселений. И опять трудности — рядом граница. Каждый второй житель имел родственников за кордоном. Приходилось задерживать неизвестных людей, находить добровольных помощников, зубрить по ночам немецкие слова. За год изучил разговорный, стал свободно объясняться и понимать чужую речь. Очень хорошо изучил психологию немцев, их нравы и обычаи. Все это здорово пригодилось Артеменко, когда грянула война, когда гитлеровцы полезли на нашу землю!

— Мы внутренним чутьем знали, — рассказывает Степан Елизарович, — что немцы готовятся к войне. Но не знали, когда начнется. И вот она, проклятая, вспыхнула!

Первое боевое крещение Артеменко получил на узловой станции Раздельная. Здесь было сосредоточено много эшелонов с войсками, боеприпасами и горючим. Налетели вражеские самолеты и на бреющем полете бомбили станцию и расстреливали людей. Горели вагоны, горели цистерны с нефтью. Кругом взрывы, плач и крики метавшихся по путям детей и женщин. Надо было спасать горючее, боеприпасы. И вот Артеменко с группой красноармейцев и железнодорожников расцепляет составы, отгоняет полыхающие вагоны, цистерны. Едва успел развести вагоны, как вновь раздаются взрывы. Обгорелый, весь обьятый дымом и копотью, еле держась на ногах, участковый инспектор выходит победителем из первого в своей жизни сражения.

Так он встретил начало войны. Так доказал, что боец он надежный. А потом пошел в народное ополчение, и вместе с сотнями других людей строил оборонительные сооружения под Одессой, вылавливал вражеских диверсантов и парашютистов. Под натиском оккупантов приходилось отступать, отбиваясь, закаляя мужество.

— Мог ли я после всего виденного и пережитого быть не на фронте? — задает вопрос Артеменко и тут же отвечает: — Нет! Родина звала...

В городе Донецке явился он в военкомат и стал упрашивать, чтобы как можно скорее направили его на фронт. Ему говорили: «Вы милиционер, обращайтесь по команде». Он объяснял, что его начальники далеко, а война разгорается, беда становится все более тяжелой. И наконец просьбу удовлетворили. В августе 1941 года, сняв милицееское обмундирование, Степан Елизарович надел солдатское и оказался в действующей армии — сначала рядовым пехотинцем, а потом помкомвзвода.

Под Харьковом вступили в бой. В первой же стычке с врагом ранило командира взвода. Артеменко принял командование на себя. Его голос: «Слушайте меня!» — властно прозвучал над окопами. Гитлеровцы не раз предпринимали атаки, шли напролом. Но бойцы взвода стояли насмерть. Они отбивали атаки и сами атаковали, им удалось даже захватить несколько пленных.

От них-то, пленных, узнал Артеменко, что назревает танковая атака. Значит, нужно подготовиться! Быстро, ловко вырыли пехотинцы глубокие окопы и щели, заняли оборону. Командир взвода обошел все огневые точки, объяснил расчетам, как вести себя, когда появятся танки. Был он спокоен, нетороплив, и его спокойствие, уверенность передавались подчиненным.

Под утро немцы открыли артиллерийский огонь, и их танки пошли в атаку. Советские воины, рассредоточившись, тоже вели огонь, стремясь отрезать вражескую пехоту от танков. И тут Артеменко увидел, что прямо на него прет бронированное чудовище. Он успел крикнуть красноармейцам Забалуеву и Петрову, чтобы прыгали в щель, и вместе с ними прыгнул туда же. Танк накрыл их сверху, несколько раз повернулся и остановился.

— Нас засыпало землей по горло, дышать было нечем, — вспоминает Артеменко. — Я разгреб землю, помог бойцам подняться, вытащил ручной пулемет и из-под днища танка стал вести огонь по пехоте противника. Танк неожиданно сдвинулся и пошел дальше. Немецкие танкисты считали, что с нами покончили, и поэтому двинулись в глубь нашей обороны. Но только танк сошел с брусстера, Забалуев бросил в него бутылку с горючей смесью, и он загорелся. Экипаж выскочил и стал сбивать пламя. А мы, незамеченные, в упор расстреляли его.

Наступила тишина. Всюду валялись трупы вражеских солдат и офицеров. Но мало осталось в живых и наших. Зато удалось выиграть бой! Через некоторое время, приведя себя в порядок, отрезанные от своих, без какой-либо связи, мы вынуждены были отступить, унося на руках раненого красноармейца Петрова. В батальоне меня не ждали, думали, что погиб. Многие видели тот вражеский танк на высотке, как он со скрежетом крутанулся, чтобы сплющить траншею. Так и доложили командиру. Признаюсь, после того боя не спал я несколько ночей, не

мог прийти в себя. В шинели насчитал тринадцать дыр от пуль и осколков.

За этот подвиг Степан Артеменко получил первую награду — медаль «За отвагу».

— Эту медаль я считаю самой дорогой, — говорит Степан Елизарович. — Для меня как командира то был первый бой. Победа в нем многому научила меня и, главное, показала, как можно крепко бить «непобедимых» гитлеровцев.

Он неторопливо потер посеребренные густые брови, посмотрел куда-то вдаль, словно в тот огненный сорок первый год, а потом продолжил:

— Командирский труд не сладок. Он очень сложен и тяжел. Когда был рядовым, об этом не задумывался. А когда назначили командиром взвода, присвоили звание младшего лейтенанта, пришлось многие вопросы решать на поле боя и учиться тут же, в окопах.

Личный пример в бою, мужество и храбрость, военная хитрость и смекалка, верность присяге и беззаветное служение Родине, ненависть к немецко-фашистским захватчикам — вот что было его главным оружием во все трудные годы командования взводом, ротой и батальоном.

Командирскую науку он постигал в боях. Вот получен приказ выбить гитлеровцев из Барвенково. Десантная рота на танках под командованием Артеменко одной из первых ворвалась на железнодорожную станцию. Немцы, застигнутые врасплох, сопротивлялись вяло, бросали в панике оружие, поднимали руки. Автоматчики захватили крупные склады с оружием, обмундированием, продовольствием, много автомашин, орудий, минометов и пулеметов. «Вот что значит внезапность!» — повторял Артеменко, обходя взводы.

После каждого боя Артеменко подробно разбирал с бойцами их действия. От его внимательных глаз не ускользала даже незначительная оплошность.

Ему, не прошедшему курса военного училища, очень помогала на первых порах командирского становления привычка, приобретенная в милиции, — до всего докапываться самому, вникать в детали, учитывать все нюансы обстановки, ничего не делать, заранее не обдумав.

Из боев в сорок втором году Степану Елизаровичу особенно запомнился рейд во вражеский тыл во время Сталинградской битвы. Танковый корпус, в котором он служил, пришел на помощь нашим частям, попавшим в тяжелый переплет. Танки с десантом проникли в расположение гитлеровцев, но вскоре были отрезаны от своих и сами оказались в окружении. Наш собеседник с гордостью говорил:

— Никто не запаниковал, никто не раскис, узнав, что придется туго.

Немцы стреляли беспрестанно, атаковали со всех сторон. Тогда-то и отличился Артеменко. Человек уже обстрелянный, он быстро отыскал слабинку в кольце и азартным броском пробил ее. За ним под прикрытием ночи вышли и остальные. Когда же началось общее наступление советских войск под Сталинградом, Артеменко сражался с врагом севернее города. Он командовал ротой искусно, маневрировал, применял всяческие хитрости, которым научила война. Ни плотный огонь фашистов, ни минные поля, ни противотанковые рвы, — ничто не могло остановить роту отважных.

Тяжелые фронтовые дороги... То раскисшие от дождей, то скованные морозом,

то окутанные густой пылью, они еще и теперь дымятся боями в тревожных снах ветерана войны.

У Степана Елизаровича хранится карта, на которой изображен боевой путь родной стрелковой дивизии. Этим путем после Сталинграда и боев на Курской дуге прошел и Артеменко, командуя сначала ротой, а потом и батальоном. Коростень, Сарны, Гомель, Пинск, Брест, Рига, Варшава — и на Берлин! Это лишь этапы, ставшие ныне вехами воспоминаний. И о каждом из них можно писать рассказы, повести, романы, ибо это не просто географические пункты, а тяжелейшие бои, испытание воли, проверка духовной крепости.

— Взять хотя бы бой за Сарны, — говорит Степан Елизарович. — Он совершенно не похож на то, что пришлось испытать ранее...

Под Сарнами немцы организовали сильную оборону. К тому же началась метель. — ни зги не видно.

Вызвав меня ночью к себе командир дивизии и спрашивает: «Что бы ты хотел, Артеменко?»

А я ему и отвечаю: «Чтобы быстрее закончилась война». Он хлопнул меня по плечу и строго сказал: «Чтобы приблизить этот час, тебе с батальоном придется выполнить серьезную задачу». Разговор был недолгий, но конкретный. Комдив отдал приказ зайти в тыл противнику, захватить станцию Думбровицы, перерезать железнодорожную ветку Сарны — Думбровицы и не дать возможности немцам подбрасывать боеприпасы и продовольствие.

С наступлением темноты ударила наша артиллерия, пришли в движение соседние подразделения. В брешь, образовавшуюся во вражеской обороне, под покровом ночи батальон проскользнул. Шли молча по бездорожью. Метель бушевала не унимаясь.

Солдаты держались друг за друга окоченевшими руками. К утру подошли к станции Думбровицы. Разведчики доложили: вокруг тянутся проволочные заграждения, все подступы простреливаются из пулеметов, а на самой станции установлены орудия.

Однако, — продолжал свой рассказ Степан Елизарович, — фашисты не ждали нас в такую ночь. И вот взметнулась красная ракета — сигнал к атаке. На проволочные заграждения полетели шинели, ватники, маскировочные халаты. Гитлеровцы не выдержали рукопашной схватки и побежали. Мы взяли железнодорожную станцию: батальон захватил эшелон с 40 новыми танками, несколько эшелонов с продуктами и обмундированием, много вагонов с людьми, которых гитлеровцы угоняли в Германию.

Немцы отступали к Сарны по мосту через реку Горынь. Я принял решение захватить с ходу и город Сарны. Связавшись по рации с командиром дивизии и доложив ему обстановку и свой план, услышал в ответ немедленное: «Молодец!» Мы захватили мост и ворвались в город буквально на плечах фашистов. Уличные бои продолжались до поздней ночи. Необходимо было укрепить оборону, а своих сил не доставало. Какой выход? Нужно обратиться к местному населению. Не успели слово сказать, как десятки людей с кирками, мотыгами, лопатами, ломami вышли на работы. Трудились героически, быстро сделали все, что требовалось. И благодарили, уходя, Красную Армию за вызволение из неволи.

За отвагу и мужество, проявленные в этом бою, за умелое руководство подразделениями капитан Артеменко был награжден орденом Отечественной войны.

После дерзкого налета на Думбровицы и взятия Сарны Артеменко был назначен командиром лыжного батальона, совершившего не один рейд по вражеским тылам. Знание немецкого языка, освоенного еще в годы работы в милиции, пришлось как нельзя кстати.

Никогда не забыть Степану Елизаровичу один из рейдов по пинским болотам.

— Разведчики доложили, — вспоминает Артеменко, — что гитлеровцы, подтянув свежие силы, в том числе кавалерийский корпус, готовятся перейти в контрнаступление. К деревне, где расположились фашисты, вела лишь одна дорога. Я получил приказ выйти в тыл немцам и сбить их заслон, охранявший дорогу. Напомнил бойцам суворовские слова: «Где олень пройдет, там и русский солдат пройдет, а где олень не пройдет, там все равно русский солдат пройдет». Двинулись в путь. Шли целый день без отдыха, иногда по пояс в воде. Почти всю дорогу приходилось предварительно укреплять жердями, ветками, чтобы не увязнуть в болоте. К селу Дубенецкий Бор подошли ночью. Подтянувшись, сразу бросились в бой: часа за полтора уничтожили почти весь гарнизон; враги бежали, бросив оружие.

«Вперед, на Пинск!» — написал на куске фанеры комсомолец Михаил Шило.

Мы установили этот щит, как указатель, в самом центре Дубенецкого Бора...

«В боях на подступах к городу Пинску, — гласит боевая характеристика, датированная 1944 годом, — при овладении населенными пунктами Дубенецкий Бор и Барова, в условиях трудно проходимой болотистой местности, обходным маневром Артеменко с успехом выполнил поставленные батальону задачи.

В этой операции было уничтожено до 100 немцев, взято в плен 32 человека, захвачено 4 миномета и станковый пулемет».

Пинск запомнился Степану Елизаровичу и тем, что здесь ему командующий армией вручил сразу два ордена — Александра Невского и Красного Знамени. Там же объявили ему, что может надевать погоны майора.

— Счастлив был, не скрою, но понимал, что все совершенное лишь аванс за эти высокие почести. Лишь аванс...

Боевые эпизоды в ратной жизни Артеменко сменяются один ярче другого. Надо было обладать величайшей силой воли, железным характером, командирским талантом, чтобы выдержать то величайшее физическое, психологическое и моральное напряжение, которое выпало на его долю.

При прорыве обороны гитлеровцев на западном берегу Вислы батальон штурмом прорвал вражеские заграждения и первым ворвался в город Сохачев. Бойцы и командиры не успели передохнуть, как снова приказ: зайти во вражеский тыл и перерезать фашистам пути отступления.

— Вперед, вперед! — говорил комбат. — Отдохнем в Берлине...

Улыбка командира, его дружеское слово придавали силы.

Вот и этот приказ выполнен — и звучит уже новый. Тогда-то, прорвавшись в тыл к немцам, батальон с ходу захватил высотку под городом Шнейдемюль и первым вышел к границе фашистской Германии. Михаил Шило и здесь укрепил

свою наглядную агитацию: «Вот она, Германия!»

— Гитлеровцы не ожидали столь внезапного нашего появления в их тылу, сначала растерялись, — вспоминает Степан Елизарович. — А когда опомнились, то как бешеные бросились на нас. Атаки пьяных и обезумевших гитлеровцев следовали одна за другой. Все горело вокруг. Густой дым застилал поле боя. Даже трудно было определить, кто и куда стреляет.

В батальоне, как свидетельствуют архивные документы, истекли боеприпасы, все меньше и меньше оставалось людей. Связь с полком была прервана, гитлеровцы обстреливали храбрецов со всех сторон. Вот они двинулись в психическую атаку. Горланили: «Рус, сдавайся!» Наступал критический момент боя, когда казалось, что ряды наших бойцов дрогнут. Артеменко выскочил из траншеи и с криком «ура» поднял батальон в штыковую. Фашисты не выдержали натиска героев и отступили, оставив на поле боя до сотни убитых. Батальон не только удержал высоту, но и захватил много техники и живой силы противника. А в это время уже подтянулись основные силы дивизии.

Комбат, скрывая штыковую рану, доложил генералу:

— Приказ, выполнен...

Комбат представил к награде красноармейцев и командиров, наиболее отличившихся под Шнейдемюлем. В строю героев стояли и уже знакомые читателю Тимофей Яковлев, Михаил Шило.

Фашисты наращивали сопротивление, обрушили на советских воинов бешеный артиллерийский и минометный огонь, пытались окружить их. Но с захваченных рубежей никто не сдвинулся ни на шаг. И в этом большая заслуга майора Артеменко.

— Он мастерски, — вспоминает Герой Советского Союза Тимофей Яковлев, ныне полковник Советской Армии, — организовал систему взаимодействия артиллерийского огня, прикрыл фланги, наладил разведку и наблюдение. Он властно повторял: «Наша задача — выстоять во что бы то ни стало. Удержимся здесь, скорее придем в Берлин!»

Мне много раз приходилось ходить в бой со Степаном Елизаровичем и бить врага вместе, — продолжал полковник Яковлев. — Смелость и решительность его часто переходили в риск. Но он рисковал во имя Победы! Добивался ее, несмотря на адские трудности и тяжелые ранения. Я был участником боя, когда немцы, обладая преимуществом в силах и средствах, зажали остатки нашего батальона в кольцо, и положение казалось безнадежным. Однако майор Артеменко, отдав мне свой автомат, залег за станковый пулемет и косил гитлеровцев с такой силой, что они дрогнули, побежали. Комбат объявил нам всем благодарность, а мы в душе объявили ему, потому что его командирский пример воодушевил нас и мы победили...

Степан Елизарович и после войны еще долгие годы служил в кадрах Советской Армии. Потом, уволившись в запас, снова пришел в милицию, помог коллективу, в котором когда-то, в молодости, формировался как боец общественного порядка. Сейчас полковник в отставке Артеменко на пенсии, живет в Одессе, но неутомима его душа. Он член Советского комитета ветеранов войны, желанный гость на заводах, в колхозах, в школах. С особой радостью идет,

конечно, Степан Елизарович в подразделения внутренних дел, к милиционерам.

Высоко почитают его в Управлении внутренних дел Одесского облисполкома. Здесь учрежден почетный приз имени дважды Героя Советского Союза Артеменко С. Е. — «Лучшему участковому инспектору». Из рук Степана Елизаровича его уже получили Константин Жданов, Валентин Скобелев, признанные лучшими из лучших в Одесской области.

Не забывает ветеран своих однополчан, не забывают и они его.

— Недавно, — рассказывает Степан Елизарович, — посетил Пинск и Думбровицы. Встречался там с Мишей Шило. Долго вспоминали пережитое. Письма идут отовсюду — из Магадана, Караганды, Харькова, Москвы, Кишинева. И я всем своим друзьям пишу не только по праздникам.

Вот что случилось однажды, — продолжал рассказывать Степан Елизарович. — Начальником штаба моего батальона работал капитан Морозов Петр Иванович. Это был отличный человек, хорошо разбиравшийся в тактических вопросах, смелый и боевой офицер. После войны его направили для прохождения службы в Магадан. Там тяжело заболел и скончался. У него остались два сына — старший Валерий и младший Анатолий. И вот получаю письмо от его супруги, в котором она просит помочь детям в определении их дальнейшей судьбы. Я ей сразу же ответил, чтобы направила ребят ко мне, пусть поживут в нашем доме. Валерий приехал, окончив десятилетку. Хочу, говорит, поступить в институт. Но на первом же экзамене провалился. Узнав об этом, я поехал в институт и попросил ректора разрешить парню пересдать экзамен, так как он имел аттестат с отличием. Ему разрешили. Валерий успешно сдал экзамены и был зачислен в институт. Два года он жил у меня, как сын. Валерий закончил институт, стал хорошим специалистом. Наши связи с ним продолжают до сего времени.

Мне же пришлось определять судьбу и младшего Морозова — Анатолия. Помог ему в подготовке и поступлении в суворовское военное училище. Пока он там учился, постоянно интересовался его учебой и поведением. Много раз бывал в училище и беседовал с преподавателями, командованием. А в период летних каникул Толя большую часть времени проводил в нашей семье. Я подолгу рассказывал ему о боевых эпизодах, о мужестве и храбрости его отца. Парень настолько увлекся, что решил свою жизнь связать с армией. Сейчас он учится в высшем военном училище. Убежден я, что выйдет из него настоящий офицер.

Он передохнул, глаза загорелись ярким светом.

— Вот так кроме двух дочерей появились у меня еще сыновья...

Степан Елизарович прекрасный собеседник, обладающий феноменальной памятью, не стареющий душой человек. Вот только прибавилось много серебра в черной некогда шевелюре да чуть-чуть располнел. Но это не помеха, чтобы оставаться сильным, волевым, энергичным.

Перед отъездом из Одессы у нас произошла интереснейшая встреча. Мы позвонили Степану Елизаровичу на квартиру, чтобы попрощаться. Он, выслушав нас, ответил:

— Рано прощаетесь. У меня сегодня большая радость, и вы будете со мной.

Подумав, что у него в семье какое-нибудь торжество, мы сказали:

— Поздравляем вас!

А он так весело в трубку объясняет:

— Сегодня в Одессу прилетел мой бывший пулеметчик Тимофей Акимович Яковлев. Приглашаю и вас на встречу.

Автомашина доставила нас в аэропорт. День, как по заказу, солнечный и теплый. Только мы успели выйти из машины, навстречу Степану Елизаровичу бросился невысокого роста, подтянутый и стройный полковник с эмблемами артиллериста. Не дойдя шага три до Артеменко, он приложил руку к фуражке и по-фронтальному стал докладывать:

— Товарищ комбат, пулеметчик Яковлев...

Он успел произнести лишь эти слова. Степан Елизарович схватил его в объятия. Они долго обнимали друг друга. По щекам текли слезы. Простим эти слезы героям, ведь они впервые увиделись после более чем тридцатилетней разлуки.

Потом, уже дома, и говорили они, и снова обнимались, и казалось им, что вернулась молодость — их незабываемая и боевая молодость. Стояли рядом дочери Степана Елизаровича, жена прибежала с работы — отпросилась по такому случаю пораньше, соседи пришли. Всем было интересно, все волновались. Вот Яковлев вынул из папки одну фотографию и передал ее комбату, говоря:

— Это подарок от меня. Узнаешь?

Степан Елизарович басовитым голосом воскликнул:

— Откуда взял? Ведь я не видал никогда!

На фотографии были сняты трое Героев Советского Союза: Артеменко, Шило и Яковлев. Двое из них совсем еще юнцы безусые, которым было лишь по восемнадцать, а третий чуть постарше. Это Артеменко.

И Яковлев рассказал историю фотографии. В день вручения Золотых Звезд фронтовой корреспондент их сфотографировал. Снимок был опубликован в газете. Этот номер газеты Яковлев отослал матери, которая хранила его долгие годы, пока сын не приехал в отпуск.

— Возьми, сынок, сберегла я газету, — сказала мать, — может, пригодится?

По возвращении в часть Тимофей Акимович переснял фронтовую фотографию и теперь привез своему командиру.

А когда прощались с Яковлевым, Степан Елизарович сказал ему:

— Ты, фронтовой мой друг, принес мне своим приездом огромное счастье. Спасибо, что не забыл. Значит, будем долго жить!

Они опять по-братски обнялись — два Героя Отечественной, два коммуниста...